

С.Л.О.В.О.

Долг серебром

Александр Колючий, АКИ

Александр (Колючий)
С.Л.О.В.О. : Долг серебром

«Автор»

2026

(Колючий) А. Л.

С.Л.О.В.О. : Долг серебром / А. Л. (Колючий) — «Автор», 2026

С.Л.О.В.О. — Свобода Лишь Одна: Возглавить Остальных.— Ты дружбу в унитаз спустил, Артём. Так сказал мне друг, которого я вычеркнул из нашей общей сделки. А уже через несколько минут моя машина слетела с серпантина в Катунь. Очнулся я в амбаре, в чужом теле, в 1578 году. В дверь рубятся топором, от меня требуют вернуть огромный долг. Двадцать рублей серебром, срок — две недели, иначе кабала. Перед глазами горит строка: «Неисполненный долг — 1». Система скрепляет печатью каждый мой уговор. Солгу — погибну. Сдержу своё слово — стану сильнее. Взрослый герой-делец: переговоры, расчёт и торг вместо меча-кладенца. Русь 1578 года: рыбная слобода, соляной откуп, волостной суд, струги и бурлаки на Чёртовом Перекате. Система обязательств: уровни, характеристики, испытания. Герой растёт, только когда держит, поступает по совести. Жёсткий таймер: долг надо закрыть за 14 дней. Ирония и юмор, без гарема. # Лайк и добавление в библиотеку помогают книге попасть в «Горячие новинки». Спасибо!

© (Колючий) А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сутки на воде	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр (Колючий)

С.Л.О.В.О. : Долг серебром

Глава 1. Сутки на воде

Ночь. Ветер. Волны бьют мне в лицо, словно ледяные ладони, и я захлёбываюсь.

Я борюсь за жизнь.

Руки молотят по воде вслепую, лёгкие уже сводит, а сверху падает тень — огромная, бесформенная, шире меня в три раза! Я даже вскрикнуть не успеваю — тень накрывает меня, и мир уходит из-под ног. Только под ногами тут у меня не дно, а ничто: чёрная толща, которая тянет вниз с жуткой силой.

Лёгкие уже горят.

Как меня вынесло к поверхности — не помню. Помню только, что руки сами отчаянно молотили водную твердь, лишь бы выжить...

Мощным толчком выбрасываю себя наверх — и в безумной круговерти водной стихии успеваю разглядеть то, что ударило по мне.

Бревно.

Огромное, мокрое, чёрное и разбухшее от воды, оно вертится рядом, тяжёлое, словно шпала. Я загребая воду руками, борюсь с течением — и обхватываю его шершавую, влажную кору, больно получая по рёбрам на очередном его развороте.

Вода ревёт, сталкиваясь с очередной скалой где-то слева. Или это справа? Хочется думать, что слева.

Я не помнил, как оказался в воде. Вообще. Вся моя память начиналась с того момента, как я захлёбываюсь в тёмной жиже, а до этого — ничего. И ни лодки, ни моста, ни берега вокруг. Только белое пятно в голове и солёный привкус железа во рту.

И ещё голос. Далёкий, сухой, чужой, который произнёс где-то там, в белом пятне: «Ты дружбу в унитаз спустил».

Что это было — не знаю.

И тут перед глазами вспыхнул текст.

[Внимание! Активирован навык: Водослух 1 ур.]

Что...?

Если бы мне неделю назад сказали, что я — Артём, тридцати одного года от роду, владелец федеральной франшизы, человек, который продавлиывает едва ли не собственные законы в городах нашей необъятной — буду висеть ночью в чёрной воде и читать светящиеся строчки посреди бушующих волн, я бы посмеялся. Вежливо так...

Впрочем — по порядку.

За два дня до...

«Дальше связи нет. Скорая — 8 часов. Берегитесь».

Знак проплыл мимо окна вахтовки, и телефон на дне сумки будто стал тяжелее.

От Москвы я отлетел в Барнаул, от Барнаула меня везли на вахтовке ещё три часа — в место, где Катунь зажата между отвесными скалами и вода настолько голубая, что кажется настоящей.

Название турнира было «Кубок Чёрной Воды». Организаторы говорили, что это из-за глубины, местные вторили, что из-за утопленных в шестидесятых посёлков, а правды, наверное, не помнил уже никто. Туристам — первое, своим — второе. А что там на самом деле — какая разница?

Мне лично на название было плевать. Мне было нужно, чтобы холодная вода, суровые горы и незнакомые мужики заняли мою голову настолько плотно, чтобы там не осталось места для Максима.

На телефоне — семьдесят один пропущенный.

Семьдесят один звонок от человека, с которым мы когда-то чертили мелом на стене гаража будущую прибыль. Пятьдесят на пятьдесят. А пять дней назад я в одиночку расписался в графе «Владелец». На полсекунды перед глазами тогда мигнула какая-то светящаяся строчка, словно в игре, но я тогда списал это на недосып. А вот строчка рядом с моим именем так и осталась пустой.

Я ему даже не позвонил.

Друг...

Вахтовка шла вдоль Катунь, и вода всё время была слева от нас. Голубая, злая, с белыми барашками на сливах. Горы подступали к петляющей дороге с двух сторон так тесно, что, казалось, они прямо сейчас сомкнутся над нами, заслоня солнце. Я же поймал себя на мысли, что впервые за месяц смотрю в одну точку дольше трёх секунд.

— Эй, москвич! — рявкнул мне в ухо мужик в рыбацком жилете поверх пуховой куртки. — Ты в каком туре?

— В первом.

— Значит, против меня. — Он довольно протянул лапищу. — Прохор. Местный. Я тут пять лет подряд первый.

— Артём. Московский. Я тут первый раз.

— Ну, хоть честно предупредил, что собрался сдохнуть. — Он загоготал. — Пошли, зарегистрируемся, а то судьи тут как коршуны.

Турнир был простой по правилам: выход с берега, спиннинг. Два тура по восемь часов, три самые крупные рыбы по весу. Хищник. Налим, таймень, хариус — всё что придёт.

— Снасти у тебя свои? — спросил Прохор.

— Свои-и-и.

— Покажи.

Он разобрал мой спиннинг, как сапёр бомбу. Деловито осмотрел катушку, побегал пальцем по кольцам, потом послунывил пальцы и провёл ими по леске.

— Плетёнка толстая... Слушай, а нормально. Катушка — ну, москвич, ну мечта... У меня такая только во сне была. — Он вернул мне снасть. — Только вот тут, — он ткнул в застёжку, — застёжка у тебя дурацкая. Замени на нашу, на самодельную. Дарю! За счёт заведения!

— А чего за счёт заведения-то у вас всё?

— А потому что заведение у нас одно — река! А река — она, знаешь, щедрая... С неё и беру. Что пришло ко мне — придёт и позже. И вот это будет легенда!

На этом наш разговор как-то потихоньку и заглох.

Первый тур я прошёл на автомате. Два хариуса — улов так себе, по местным меркам. У соседей, судя по их кислым лицам, — было то же самое: у всех шло трудно.

— Эй, москвич! — Прохор потряс головой. — Ну и клёв, а? Как мёртвая вода!

— Ага...

— Но ты не расстраивайся! Ты с нами в финале — я за тебя словом встану. У нас правило такое: в финал выходят трое от перепуга.

— Не понял.

— Все боятся, что улов у них со страху утонет, вот судьи и жалеют всех. Три худших результата — и те идут дальше, чтобы попробовать ещё раз. Мы же не турнир, мы соль земли.

Честно говоря я так и не понял, шутит он или и правда так думает. С Прохором, как я заметил, это вообще частая история — он всегда говорит так уверенно, что иногда сомневаешься, не он ли один тут всё и придумал.

— А ты в финал-то как вышел, если клёва нет?

— А я, — он постучал себя по лбу, — знаю реку. Я её тридцать лет слушаю. Вот она мне сама и говорит, где что лежит.

— И что говорит?

— А то и говорит: не суйся сегодня в омут, сиди на отмели. Вот я и сижу. С двумя хариусами. Как дурак.

Постепенно наступил час обеда.

Нам выдали по термосу с чаем, по куску чёрствого хлеба и по куску сала. Я сидел на камне, мочил ноги в ледяной воде и всё думал, что именно ради таких минут я и приехал. Не ради рыбалки. Ради вот этого — покоя.

Никуда не надо. Ни с кем не надо. Сидишь, вода течёт, ревет где-то за скалой, солнце висит над отвесной горной стеной, и от этой стены приятно веет холодом. Небо высокое. Вода синяя. Красота-а-а...

— Тьфу, ну и жизнь, а? — Прохор сел рядом, разломил кусок слежавшегося сала на двоих. — Вот скажи мне, москвич, чего вы там все на голове ходите? Денег некуда девать, а ходите, как на похоронах.

— А ты чего здесь ходишь?

— Я? — он засмеялся. — Я не хожу, я живу! Это разные вещи.

И ведь точно — разные. Я смотрел на него, на этот пуховый жилет, на обветренное лицо, на палец, который он когда-то сломал и, видать, срастил криво, и понимал: вот этот человек сейчас счастливее меня. У него-то всё просто. Есть река. Есть правило: придёт рыба — хорошо. Нет рыбы — плохо. Есть водка по праздникам и работа по сезону.

А у меня есть много денег. И ни одного спокойного сна за последний месяц.

— Слушай, — сказал я. — А ты никогда не хотел большего?

— Большого чего?

— Ну... денег, славы, признания.

— Признания? — Прохор задумался серьёзно, как над задачей. — Меня тут все и так признают. Какой ещё признак?

— Не признак, а... — я махнул рукой. — Забудь.

— Не забуду. — Он внимательно посмотрел на меня. — У вас это, у московских, болезнь такая: всё время чего-то хотите. А чего — сами не знаете. Это как рыба, которая всю жизнь клюёт на блесну и всё время удивляется: чего это меня всё тянет?

Мы помолчали.

— Держи хариуса, — Прохор ткнул меня локтем в бок. — За счёт заведения.

— За что?

— За то, что ты первый раз здесь и у тебя лицо, как у утопленника. Освежился — теперь держи.

Я не удержался и рассмеялся. По-настоящему, в голос. Впервые за месяц заржал, как конь.

— Пойдёт. — довольно протянул он. — Хоть смех у тебя живой, а не московский. Это хорошо. Московский смех — он как из будки: «ха-ха», и жалюзи опустились. Ну где такое видано?

После обеда начинался второй тур. Снова на восемь часов. Судья свистнул, объявляя начало.

На этот раз я решил не идти с толпой.

Толпа пошла вниз по течению, к устью, где, по слухам, держался налим. А я пошёл вверх, где скалы сходились так тесно, что даже местные туда ходили неохотно. Я пошёл туда, где течение разгонялось между камней и становилось быстрым и злым.

— Ты куда, москвич? — крикнул Прохор. — Там же смерти! Эй!

— Да?

— А то! Одно неровное движение — и ты уже на Синтетическом Бобре плывёшь!

— Это кто?

— Легенда местная. Утонул, к дьяволу, лет двадцать назад. Молва ходит, что он и сейчас там плавает, бобёр бобром, только глаза у него...

— Прохор, да я пять минут там постою.

— Пять минут — дело другое. — Он сплюнул. — Пять минут можно. Но только пять! Я пошёл.

Скалы жались друг к другу так плотно, что в некоторых местах меж ними оставался всего метр. Вода в этих щелях прямо гудела. Шум тут стоял такой, что если закричать — сам себя не услышишь. И вот в этом пяточке я и встал. Стоял минуту. Пять. Десять. Пятнадцать — Прохорово «только пять» я потерял где-то в начале вместе со здравым смыслом.

Ноги по щиколотку в ледяной воде, спина в мокрой куртке, вокруг — серый камень, белая пена и эта дикая, звенящая тишина в голове. Ниже по течению щели кончались сливом — вода падала с полутора метров в чёрную чашу, и она бурлила и дымилась брызгами. Смотреть в неё было одновременно страшно и сладко, как стоять на краю пропасти.

Секунд тридцать я просто смотрел на воду. Думаю, это были лучшие тридцать секунд за весь мой месяц.

А потом надо же было такому случиться — именно в этом месте, в этой щели, именно в этот час река решила разделиться. Течения столкнулись, и одна струя пошла не вниз, а вбок, по диагонали. А за огромным валуном, на границе быстрой воды и мёртвой, открылось окно тихой воды — местные называют такие окна «карманами». Рыба сидит там, как барин в кресле, и ждёт, когда течение само принесёт ей обед.

Я бросил блесну точно в карман.

Первый провод — пусто. Второй — на середине проводки: короткий удар, злой рывок, словно кто-то хватал крючок за душу — и тут же отпустило. Я взбесился. Третий заброс — в то же самое окно, встал на цыпочки, чтобы блесна пошла у самой стены кармана.

Поклёвка — мгновенная, как выстрел.

Фрикцион заверещал. Удилище сложилось в дугу, рука приятно онемела от удара. Я затянул фрикцион на пол-оборота — и повёл.

Рыба пошла вниз, в чашу, куда падал слив. Она делала то, что делала вся вода в этом каньоне, — тянула меня вниз. Удилище в руке вдруг стало живым, отдельным существом, которое дёргалось в моей хватке и выло, стремясь вырваться на свободу. Я упёрся сапогами в камень, завалился назад — и на секунду повис на удилище, как на поручне в автобусе.

— Ага! Ну ты и гад! — заорал кто-то сверху.

Оказалось, я стоял под отвесной скалой, а наверху, на площадке, столпились мужики. Они смотрели, как я хожу по колено в ледяной воде и в одиночку выкачиваю из реки тайменя на десять кило.

— Гони его к себе! — словно ошпаренный орал Прохор. — Он тебя порежет о камни!

— Он не порежет!

— Да порежет! Рви леску!

И к счастью он не порезал. Но я в тот миг уже даже не понимал, кто кого вываживает. Меня вело по колено в воде из стороны в сторону, фрикцион выл, как хочет, рыба вдруг сделала свечку — да, честно, настоящую свечку, в полтора человеческих роста, и весь каньон на секунду окрасился в розовый цвет от брызг и солнца.

И на полсекунды перед глазами мигнула светящаяся строчка — как тогда, в переговорной, когда я ставил подпись. Моргнул — пусто.

— Дави его! Дави!! Он выдохся! Тащи его! — в исступлении ревели наверху.

Дальше я помню реальность урывками. Как он ушёл под валун, и я полез за ним, до груди в воде, и течение держало меня. Как он лёг на дно — «прилёг отдохнуть», как говорят мужики, — и я тянул его просто на вес, на упрямстве. Как я орал сам с собой что-то нечленораздельное и как меня это почему-то абсолютно не волновало.

Через двадцать минут я втащил тайменя на отмель. Вода в том месте не поднималась выше плюс шести даже в июле. Я сидел в ней по грудь, держа рыбу двумя руками, и рыба была длиной с половину меня.

Наверху, на площадке, стояла мёртвая тишина. Секунд десять мужики просто смотрели. А потом вдруг заголосили все разом.

— Откуда он там взялся?!

— В Щелях! Он в Щелях взял! Смертник!

— В Щелях?! Да там сто лет никто не брал! Все бояться..

— А этот взял! Москвич, ты как?!

Судья споро записал: таймень — девять двести, хариус — четыреста грамм.

Взвешивали улов у костра, на больших безменах, подвешенных к треноге. Стрелка на моём таймене дрогнула и встала — мужики загудели.

— Девять двести! — судья поднял рыбу над головой, как трофеем. Она была длинной с меня до пояса. — Есть вопросы?

— Есть! — крикнул кто-то. — Где москвич? Пусть поднимет сам, раз поймал!

А меня и просить долго не надо. Я поднял. С первого раза. Рёв стоял такой, что с той стороны каньона, кажется, слетели все вороны с деревьев.

Первое место с отрывом в четыре раза.

Вечером, у костра, судья вручил мне кубок — простую жестяную чашу с гравировкой «Кубок Чёрной Воды» и со сколотой ручкой.

— Ну, ты и чертяка! — Прохор тряс мою руку. — Пять лет подряд был я, а тут ты!

— Прости. Жалко тебя — не могу.

— Наглец! Ты у меня спуск увёл, имей совесть!

— Совесть? — я поднял кубок. — Совесть — для тех, кто проигрывает.

Все засмеялись. Даже проигравшие. Мне, между нами, тоже было не очень удобно: пять лет Прохор был на этом кубке первый, а тут пришёл я, совсем чужой, и всё забрал. Но удобство и правда — разные вещи, и кубок так приятно оттягивал руку вниз, что я решил пока побыть наглецом.

Мужики протягивали мне руки, хлопали по плечу, кто-то стиснул в своих медвежьих объятиях так, что у меня хрустнуло в спине, и все наперебой совали мне в руки кружки — с чаем, с водой, с чем-то мутным и обжигающим. Я отвечал, смеялся, кивал. И где-то на третьей кружке поймал себя на странном: я ведь никого из них не знал. Вчера — не знал вообще. А сейчас — знал. Катунь за один день сделала то, что в Москве ни одна река не делала за год: ввела меня в свою компанию и забыла спросить, кто я такой.

Именно тогда, в этой каше из дыма, смеха и ледяной воды, я впервые подумал: а что, если бы всё всегда было вот так?

Не клиенты. Не логистика. Не эта чёртова графа «Владелец».

Просто река, мужики и рыба.

Мы сидели у костра до ночи. Жарили рыбу на углях. Пили. Пели, правда, в основном пел один и тот же дед, который помнил все местные песни.

Дед Тимофеем оказался местной легендой. Ему было за восемьдесят, и он, по слухам, ещё в пятьдесят девятом зимой перешёл Катунь по льду от края до края с одной лишь удочкой и мешком соли. Историю эту он рассказывал сам, каждый год, и каждый год река в ней была всё шире, а мороз — злее.

— А вот скажи мне, дед, — спросил его Витька, — а правда, что ты тайменя на медведя менял?

— Правда, — дед кивнул, не отрываясь от рыбы.

— Ну и как, выгодно?

— А как посмотреть. Медведь, он зато тёплый. А таймень — он со вкусом.

— Вот ты, москвич, — спросил меня Витька-электрик, — а зачем тебе это всё? Ну неужели деньги не радуют?

— Радуют.

— Да не радуют они... Я в твои годы тоже думал, что радуют. А потом понял: деньги — как сало. Сало хорошо, когда его немного. Когда много — уже не сало, а болячка.

— Философ, — сказал я.

— Электрик, — скромно поправил он.

— А ты чего в город не переберёшься? С такими руками, как у тебя, да в Москве...

— А зачем?

Его вопрос на секунду выбил меня из колеи. Просто и наголо, как топором по затылку.

— Ну... зарплаты выше. Возможности.

— Возможности что?

— Ну... зарабатывать.

— А зарабатывать — зачем?

Я открыл рот... И не нашёл ответа. Пирамида, на которой стояла вся моя жизнь, вдруг показалась мне карточным домиком: вытащи верхний кубик «зарабатывать, чтобы» — и всё тут же сыплется.

— Во-о-от, — Витька удовлетворённо кивнул и подлил мне чаю. — Сам не знаешь. А я знаю: я на подраде, у меня дом над рекой, коза, три улья и невестка внучатая. Чего мне в твоей Москве делать? Сметану покупать?

И вот тут я почувствовал, что мне хорошо. По-настоящему, простому, без всяких «но». Хорошо, когда рядом мужики, костёр, рыба и ни одного телефона на двадцать километров вокруг.

А потом на душе снова стало пусто.

Потому что я поймал себя на мысли: у Максима сейчас этот же вечер. Та же ночь. Снова, наверное, ребёнок заплакал. Только у него нет костра, нет мужиков, нет такого кубка. У него есть лишь телефон с одним контактом, который сбрасывает его семьдесят раз подряд.

«Бизнес — это не дружба». Я репетировал эту фразу для Макса, но так и не сказал её ему. Здесь, у костра, она звучала как то, что говорят перед ударом.

— Эй, — Прохор толкнул меня плечом. — Ты чего притих?

— Да так... Думаю.

— Думать — не тревожиться. Разные вещи.

— Не различаю.

— Тогда пей. — Он подлил мне. — И запомни, москвич: река всё прощает. Река не мстит. Река вообще ничего не помнит. Это вообще только человек мстит.

— А человек помнит?

— Человек помнит. И человек мстит.

И вот тут мне впервые стало по-настоящему жутко. Не от слов, а от того, как их сказали. Спокойно. Словно речь шла о погоде.

— Прохор, ты чего это вдруг?

— Да я ничего. — Он поднял кружку. — За тебя, москвич. И за то, чтобы ты свои грехи собой не задал. Не поможет.

— Ты сегодня какой-то не такой.

— А ты такой?

— Да так... не такой.

— Ну вот и я не такой. — Он усмехнулся себе в усы. — Значит, мы оба сегодня не такие. Выпьем!

Мужики притащили два мешка соли, большую сковороду и ящик алюминиевых кружек.

Стол соорудили тут же, на берегу: два бревна плашмя, поверх — дверцы, снятые с чьей-то «Нивы», на дверцах — брезент. Костёр разожгли в каменной нише, чтобы ветер не раздувал. Через полчаса берег уже напоминал маленький город: дым, искры, смех, запах жареной рыбы на весь каньон.

— Колодец есть, соль есть, — Прохор хлопнул по мешку ладонью. — Значит, будет балык. Москвич, гляди и учись.

Пласты тайменя они пересыпали солью прямо тут, на брезенте, не глядя и на глаз, — и насыпали столько, сколько я сыплю сахарной пудры на блин. Работали в четыре пары рук, молча, спина к спине, и в этой молчаливой сработанности было что-то древнее, уютное, артельное. Так, наверное, выглядит любая настоящая мужская дружба: все знают своё место, и место это — рядом.

— Двое суток под гнётом, — говорил Прохор, переворачивая пласты. — Потом на ветер, на сквознячок, в тень. И всё, москвич. Балык. Такого в вашей «Азбуке вкуса» нет и не будет, потому что в магазине рыба мёртвая дважды. Первый раз, когда её поймали. Второй — когда продали.

— А у тебя?

— А у меня — один раз. И то не факт!

Рядом на плоском камне зашумела сковорода: на ней весело шкворчали собственные стейки из тайменя. Куски были толщиной с ладонь, румяные, с корочкой, и сок на них шипел и пускал пузыри.

— Кушай, хозяин, — Витька-электрик подsunул мне кружку, в которой темнела жидкость цвета крепкого чая. — Это тебе не чай.

— А что это?

— Это чай, но правильный. Зелёный, с брусникой и с чабрецом. Мужики сами собирают, сами сушат, сами же, кстати, и портят.

Чай оказался горьким, смоляным, с дымком — и сразу согнал весь озноб из пальцев, о котором я уже успел забыть. Я ел рыбу руками. Обжигался, ругался, облизывал пальцы. И где-то на втором куске в который уже раз за день поймал себя на мысли, что вот прямо сейчас, в эту минуту, я счастлив.

— За рыбалку! — Прохор поднял кружку.

— За рыбалку! — рявкнули все.

Потом тосты пошли сами собой. За Катунь. За тех, кто не вернулся. За тех, кто вернулся. За москвича. За то, чтобы у всех всегда был клёв, а у жён — настроение.

— А теперь, — Прохор посерьёзnel, — тост без слова.

Мужики замолчали. Кто-то снял шапку.

— За Максима Петровича, — сказал Прохор тихо. — Который в шестьдесят седьмом на этой самой воде по льду пошёл и не дошёл. Девять дочек у него было, москвич. Девять. Все ждут старика до сих пор.

Мы выпили молча, не чокаясь. Я выпил тоже, хотя не знал никакого Максима Петровича. Просто в этот момент все мы — девять человек на этом берегу — были одной семьёй, и в этой семье был пустой стул, и этот стул очень многое значил для всех.

Потом опять стало весело. Кто-то заводил гармошку, дед Тимофей пел про монаха и собаку, Витька рассказывал, как его корова с крыши сарая прыгала (корова, как я понял, выжила, а сарай — нет). Я же лежал на брезенте, смотрел в небо, где звезды были так низко, что, казалось, их можно достать рукой, и слушал этот хохот, и чувствовал себя... дома.

— Ты должен этому Максиму? — Прохор лёг рядом, тихо, чтобы другие не слышали.
— Чего?

— Ну, ты ужинал и всё мрачнел. Телефон всё время в руке. Про Максима какого-то бурчишь под нос. Должен кому-то?

— Жизни должен, — соврал я.

— Это всё должны. — Он покивал. — Значит, пустяки.

В какой-то момент Прохор поднялся, стряхнул крошки и сказал, глядя на воду:

— Я, москвич, курну. А ты не смотри.

— Чего не смотреть?

— Вот этого. — Он сунул в рот самокрутку. — Мне врач сказал, что после третьего инфаркта нельзя. А я всё равно курю... И это как раз тот случай, о котором пишут в умных книжках: понял, что не бросил — не начинай.

Он прикурил. Глубоко затянулся. Выпустил дым в темноту — и от чего-то стал похож на дракона. На доброго, уставшего дракона, который уже всё прожёл в этой жизни и теперь просто греется.

— Знаешь, сколько я рыбу ловлю? — спросил он.

— Сколько?

— С семи лет. Считай, сорок лет. И знаешь, сколько раз я видел, как река кого-то забирала?

— Сколько?

— Семь раз. — Он поднял к свету костра семь пальцев, сложив их очень внимательно, будто проверял, все ли на месте. — Семь человек. И все семеро — в тех самых местах, где ты сегодня тайменя брал. В Щелях.

— Оттуда же и я рыбу вытащил.

— Оттуда. — Прохор кивнул. — Потому и смотрел на тебя весь день, как на черта. Потому что река в Щелях не отдаёт своего. Она там только берёт. И вот сегодня — отдала. Причём мне. То есть тебе. То есть... — он махнул рукой, запутался. — Короче, я до сих пор не решил, радоваться мне или за тебя молиться.

— Молись, — сказал я. — За кубок, кстати — спасибо.

— За кубок — не за что. Кубок — жестянка. — Он посмотрел на воду. — А вот что река от тебя возьмёт взамен — вот это, москвич, вопрос.

Тогда я посмеялся. Хорошо, чёрт возьми, посмеялся.

— Ну, — сказал он и сел обратно. — А ты вот что, москвич. Ты сам-то кто? По жизни?

— Бизнесмен.

— Это по работе. А по жизни?

Я задумался. И не смог ему ответить. То есть ответов было много — управленец, переговорщик, владелец франшизы, молодой, перспективный, злой, везучий, — но ни один из них не был про «по жизни».

— Не знаю, — честно сказал я.

— Вот. — Прохор выпустил дым и указал самокруткой на реку. — А река знает. Река всегда знает, кто ты. Ночью, если слушать, она тебе сама всё про тебя расскажет. Только слушать надо уметь. А этому учатся тридцать лет. И то не все.

— И ты умеешь?

— Я? — он засмеялся. — Я тридцать лет учусь. А река терпеливая. Река подождёт.

— Последняя ночь, ребят! — крикнул кто-то от машин. — Завтра домой!

— Завтра домой, — повторил Прохор и зачем-то перекрестился. — Завтра домой.

Кубок я потом весь вечер таскал с собой, как школьник портфель. Хоть и понимал, что это жестянка за пятьсот рублей. Но пока я её таскал — я в неё верил. А это, если подумать, единственное, что от жестянки и требуется.

За пятнадцать минут до:

Ночь. Дождь.

Серпантин этот я впервые видел в жизни — и, как оказалось, в последний.

Вечером Прохор отдал мне рыбный пащтет в банке. А после три часа по серпантину в темноте, к Барнаулу, на утренний рейс.

Я вёл аккуратно. Дворники размахивали перед машиной, смахивая дождь, — справлялись на троечку... из пяти. Ночью в горах темнеет по-настоящему: не как в городе, где небо светится от фонарей и звёзд. Тут чернота стоит стеной, и только фары едва вырывают из неё кусок дороги.

Телефон лёг в подстаканник ещё на выезде. Я дал себе слово не брать его до самой равнины.

Дал себе слово — и на первом же прямом участке, длинном и пустом, при скорости девяносто, взял его в руку.

Слаб человек, что тут скажешь?

Набрал Максима. Гудок. Второй. Третий. Четвёртый. Пятый — и тишина.

Шестой гудок. Седьмой. Восьмой...

— Слушаю. — В трубке раздался сухой голос. Совсем не его...

— Макс, привет. Ты чего не спишь?

— Я спал. Два часа ночи. Ребёнок только затих.

— Так, ну, раз не спишь... — я вздохнул. — Говори. Я слушаю.

Он замолчал. Дождь стучал по крыше. Дворники махали. Раз... Два... Три...

— Максим, ну говори же.

— Ты подписал.

— Я подписал.

— Единолично.

— Да.

— Хорошо. — В трубке раздалось шуршание бумаги: он что-то перевернул на своём столе. — Тогда я скажу, чтобы ты знал заранее. В понедельник к тебе придёт письмо.

— Какое письмо?

— Претензия, Артём. А следом — иск.

— Иск?.. — я даже рассмеялся. — За что?!

— За полтора года моей работы. За клиентов, которых привёл Я! За договорённости, которые в гараже были на двоих, а в контракте стали на одного. Ты нажёб... — он осёкся, выдохнул. — Нет. Ты даже не нажёб. Нажёб — это быстро, это по-мужски. Ты же тихо переписал всё на себя и ждал, что я сам всё пойму и промолчу.

— Никто ничего не подписывал про дружбу. Это вообще другая история!

— Это та же история, Артём. И ты в ней знал всё с самого начала. И знал, что я знаю. И всё равно подписал, Артём. Молча. Даже не позвонил мне. Я узнал из системы, что сделка зарегистрирована. Понимаешь? ИЗ СИСТЕМЫ! Я три дня отирался, как дурак, говорил всем: «Артём не такой, сейчас позвонит». А потом открыл реестр и...

— Максим, я хотел позвонить...

— Кому ты мелешь? Ничего ты не хотел. Ты хотел, чтобы всё само рассосалось. Это разные вещи, Артём. Первое — про человека. Второе — про труса.

— Максим...

— Ты дружбу в унитаз спустил, Артём.

И тишина.

Дождь. Стёкла. Дворники раз-два. раз-два.

— Максим, ну что ты... погоди. Я не... Это не... Я подумал, что...

— Да. Ты подумал. Ты. Подумал. И у тебя всё сошлось, что чужое — твоё.

— Так, я не понял. А что мне теперь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.